

Жаргон: преодолеть — изучая

Александр МУРАШОВ, доктор педагогических наук

Мы входим в класс с заранее составленной картиной мира, в которой нет места жаргонным словам. И мы уверены, что это правильно. Говорить эти слова нельзя — и точка. Учитель должен быть уверен в себе — на то он и коммуникативный лидер. Однако лидером в каждой конкретной аудитории нужно стать, а если входить в чужой монастырь со своим уставом, — просто не поймут.

Важно понять: жаргон не случаен. Если бы слова не подчинялись языковым моделям, не «укладывались» в рамки речевого мышления и поведения, они отфильтровались бы и не сохранились в словаре. Тем, кто наиболее чуток к жаргонизмам, присуща лингвистическая зоркость: в этих словах очевидно настоящее словообразовательное творчество. Их авторы — это люди, которые безупречно владеют языком и его нормами, интуитивно осваиваемыми как фактор самосознания. «Блатная музыка» — это *ксива* после *ходки*, это *приблатнённый фрайерок* после *отсидки*. А в контексте исторического момента — попытка «*косить под крутого*». Это диплом о высшем тюремном образовании; а такой диплом должен потерять значение *документа*, «дубликата бесценного груза», и тогда он не производит впечатления.

Вот если бы сам учитель знал то, что он пытается отрицать, и отрицал бы это уже с позиций знатока, авторитетного для аудитории. Иными словами, надо знать то, чем живут и как видят мир в собственной речи наши питомцы. Жаргон стал нашим общим врагом, а врага побеждают, когда его знают, когда могут предугадать его действия. «Блатная музыка» давно уже не звучит в среде братков; они же — истеблишмент, нобилитет, бомонд и т.д. Она отдана тем, кто займёт их место на нарах — вот поэтому-то «феня» насаждается с экранов, со страниц, в повседневном общении, становясь лэйблом «своего». Говорившая некогда на этом языке элита своих детей воспитывает на классике, на русском и на латыни, а «культура нар» — для всех прочих.

Вот как описывает Ю. Яковлев полемику матери с сыном:

— По-твоему, Алик, если вместо «познакомь меня с девушкой» сказать «скадри мне чувиху», многое изменится?

— По крайней мере речь будет современной, — ответил Алик.

— Но не все же сегодня называют девушек чувихами.

— Не все. Но это примета времени. (Яковлев Ю.Я. Неприкосновенный запас. М.: Дет. лит., 1983. С. 435).

Подростку невозможно отказать в рассудительности: это действительно примета времени. Но как матери отучить сына от столь специфической приметы времени?

Апеллирование к «хорошим мальчикам» вызовет лишь покровительственную ухмылку и, по существу, станет признанием полного бессилия и педагогической несостоятельности. А каждый учитель, входящий в класс, должен быть готов к вопросу о том, почему жаргонизмы недопустимы. У каждого времени свой жаргон, однако сейчас речь подростков и юношества столь засорена жаргонизмами, что состояние русского литературного языка иначе как катастрофой не назовёшь.

Итак, я берусь утверждать, что нам нужно входить в молодёжную среду с её языком, приобретать в ней авторитет лидеров и, пародируя, вышучивая «блатную музыку», лишать её робин-гудовской «протестности», снижать её звучание. А слова, обозначающие реалии, о которых мы имеем нравственное право говорить, делать предметом изучения, в том числе историко-культурного. В этих словах подчас скрыты такие языковые глубины, что становятся видны первоосновы национального менталитета, а с другой стороны — определяется связь языков и культур. Ребята вряд ли будут произносить слово, узнав, что оно диалектное и обозначает именно то, что имеет ореол «продвинутости». Вряд ли будут гордиться тем, над чем только что весело смеялись.

Вот типовой образчик текста, которому нам предстоит дать оценку. *Прикинь: шнурки сегодня нарисуются на тусовку, а когда будут клубиться, тича ляпнет про наших анфисок, что обмочалились: пацаны клеиться стали! Черепа — с катушек, буркала на затылке, а другие препы разбухтятся, они и вовсе с дуба рухнут. Причешут на хазу — по фейсу наглядят: не будь лохом, не борзей, если не рубишь! А теперь самое прикольное: пахану не в кайф, что любера выкальваются — наезжают и в бубен давать стали. Вот с бодуна припёр к ним на маляву и не врывается: чуваки, типа того, корешатся, а один браток стуканул, кто он и где тусуется. Вот крыша у него поехала — ему бы слинять в ментовку к ботинку, а для него шнурки — заподло! Во ржачка! Куда такому фрайеру за этими чуваками: ботинок из ментовки — прямо на тачке в школу — прикол был ништяк!*

Разберёмся, с чем же мы вступаем в поединок. Мы понимаем, что в устах учителя жаргон отвратителен, поэтому будем не навязывать наше знание этой лексики, а поддерживать отдельные послы потомков: «Володя сейчас вежливо попросил тебя хиять на плешку за баксами (скажем это, пытаюсь не измениться в лице и не дать петуха). А ты знаешь, как к нам в язык пришло слово «плешка» и почему *пламя, палить, поле, польй, пол* связаны с ним? Кстати, и *площадь* тоже. Это однокоренные слова. А теперь рассмотрим, как это было...» И начинается захватывающий исторический экскурс. Разумеется, ребята дома посвятят в эти тайны и родителей — но во избежание инфарктов их нужно предупредить на родительском собрании. Пусть столь же живо интересуются этой языковой игрой, которая перестанет быть «протестным кодом» подростков и станет нашим помощником в изучении языка и культуры. Но как этого достичь?

О спасении языка сегодня принято говорить много — гораздо больше, чем о необходимости его изучать. «Повседневный язык — часть человеческого устройства, и он не менее сложен, чем это устройство», — сообщает Л. Витгенштейн, словно призывая нас видеть языковую личность, языковое поведение, языковой способ существования, *modus vivendi*, а не случайные речевые явления, легко исправимые при достаточно громком голосе учителя. Язык — это ещё и способ сознания, оказывающий обратное влияние на все процессы бытия. *«Набухался вдребодан, разбухтелся, а этот пацан, типа, ещё к центровым чувакам, на сходняк тянет — а мне не в кайф. Разбил вчера морду у «копейки» — прикинь, три штуки ухлопал — вроде ништяк, а заколбасило, словно чердак снесло»*. Автор этой тирады не может мыслить в иных смысловых координатах. И глупо сообщать ему, что «так неприлично». Надо искать иные аргументы. В своё время К.С. Горбачевич заявил, что не следует преувеличивать опасность жаргонизмов для литературной речи (см.: *Нормы современного русского языка*. М.: Просвещение, 1989. С.9). Увы, наша недалёковидность многому обучила нас. Мы так старательно «демократизировали», «гуманизировали», «сотрудничали», что возвели вавилонскую башню и теперь недоумеваем: почему мы говорим на разных языках? Дитя проговаривается о заветном: Базаров и Кирсанов были... «дружбанами», а у генеральши Ставрогиной состоялся «сходняк».

А.В. Мудрик среди специфических слоёв молодёжного жаргона видит англицизмы, просторечные компоненты, элементы «блатной музыки» — уголовного аргю, и слова, имеющие «социально-демографическую» специфику, то есть собственно диалектные слова и выражения. И.С. Кон подчёркивает в юношеском жаргоне «торопливость», свойственную возрасту (на это указывают случаи усечения в словах), агрессивность, возможность экспрессивно передать переживания, не свойственные взрослым, а также видит в нём средство проверки собеседника, в особенности взрослого, да ещё и претендующего на доминантную роль. Эта хитрая словесная игра служит также средством отделить «своих» от «посторонних» и укрепить столь ценимую юношами возрастно-групповую солидарность.

Будем учиться реагировать на жаргон, исходя из того, что он может выполнять и социально-корпорированную функцию, и семиотическую, знаковую, предьявляющую человека «своим» и «чужим», в зависимости от микросоциума. Система ориентиров наших учеников зачастую противоречит всему тому, что мы стараемся в них воспитать, и жаргон отражает эту причудливую смесь установок и устремлений.

Куда ж нам плыть?

Нельзя говорить «нельзя» — важнейшая заповедь педагога. Во-первых, потому, что надо учить на примерах того, как «можно». Наш запрет производит обратный эффект, и никакими коммуникативными лидерами мы уже не будем: как может вести за собой человек, не знающий элементарных вещей? Во-вторых, мы склонны запрещать то, чего сами не знаем или не умеем. И довольно жалок учитель, интересующийся у семиклассника, как перевести употреблённое тем *заподло* и *штука баксов*. Учитель обязан быть лидером в любой ситуации общения, а для этого нужно нечто большее, чем апокрифическое право на запрет.

Всякий запрет — одновременно и разрешение. Нельзя в школе — значит, можно там, где поведение строится на совершенно иных законах, то есть **езде**. И наше безапелляционное «нельзя» становится автоматическим «можно и нужно» в ситуациях, где мы отсутствуем.

Нельзя воевать, не зная противника. Это знают не только стратеги. Жаргон представляет действительную угрозу менталитету, навязывая уголовную романтику, тюремную эстетику как норму речевого поведения. И это наш враг, с которым мы боремся обычно вслепую, а значит — без какой-либо надежды на удачу. Если вы произнесёте: *«Я конкретно говорю: параша, а будешь прикалываться или фуфло гнать — шнуркам стука-ну»*, — класс в трепетном восторге будет слушать вас три-пять минут, затем ваша репутация твёрдо определится как «приятель» (вместо «профессора», «художника», «командира») со всеми вытекающими последствиями. Это любопытная стратегия, однако завершающее: «Так говорить нельзя» — произнесёт лишь мастер, художник слова, умеющий иронию обратить в тонкий скальпель, мгновенно избавляющий от ненужного.

В чём назначение жаргона? Отталкивая себя от остальных, подростки тем сплочённее чувствуют себя в рамках неформальной компании, которая объединяется речевым койне — жаргоном. И из способа «ковбойского» подражания уголовному миру, романтизируемому ныне средствами массовой информации и литературой, жаргон становится средством экспрессивного самовыражения и социальным паролем. Как и мода, он выполняет не столько социально-корпорированную, сколько контакто-устанавливающую и даже апеллятивную функции. «Я с вами, я такой же, как вы», — словно сообщает своим сленгом подросток тем, кто для него составляет ближайшую сферу общения. Отсюда микрожаргоны: прислушайтесь, «фанаты» разных футбольных команд говорят совершенно по-разному! Лидер утверждает свой статус тем, что вносит новые, ранее не усвоенные группой слова, ревниво оберегая его чутким слухом и памятью к такого рода новообразованиям. И это уже не «игра» и не хулиганство, а подсознательно обнаруженная речевая модель поведения, присущая абсолютно всем: идут за теми, кто больше осведомлён в ситуации, и речевой в том числе. Если пароль известен другому, он уже не будет паролем; если учитель владеет жаргоном (а отсутствие этого навыка — фактор подсознательного превосходства и гордости ребят: «А вы этого не знаете!»), тот лишится своей корпорированной привлекательности. Жаргон перестанет быть запретным плодом, его экспрессивные потенциалы резко снизятся; соревновательность диалога у самих учеников будет проявляться иначе. Вспомните: в электричке компания молодых людей. А лидер в общении — тот, кто наиболее удачно говорит на данном языке. Лихо закрученные «*халявные малины*», «*прикольные братки*», постоянное самоодёргивание: «*Короче...*», роскошное: «*Ты, в натуре, конкретно прикинь, к примеру, эти пацаны, как бы, типа того, на шухере*» — предмет соревнования, состязания, становления внутренней иерархии. Сделать замечание? Может, притихнут, только это будет подробно сжатию пружины; «*тупые предки*» своими паремиями ничего не изменят.

Й.О.Х. Есперсен называет жаргон «коллективной игрой» молодёжи. Но если бы учитель вздумал «поиграть» вместе с обожаемыми потомками, причём старательно подражая им, пытаясь идти за ними следом, — он не был бы уже учителем. Неплохо иногда, что педагог не отстаёт от моды, старается быть в курсе происходящего, великолепно знает широкую

палитру музыкальных новинок. А вот если родителей «черепами» величает, а соседку ученика по парте — «мочалкой»... Что же касается учеников — поначалу будут в восторге, но скоро, когда станет очевидно, что учитель стремится бесталанно и безвкусно сделать очередной книксен, восторги сменятся едва ли скрываемым презрением.

Педагог — тот, за кем хочется идти, а не тот, кого нужно тащить за собой

Знать школьный жаргон учитель должен: ни одно высказывание ученика не может остаться непонятым; кроме того, иногда бывает полезно использовать «стратегию Зарендипа» и ответить явно парадоксально и необычно. Такой учитель никогда не окажется в положении иностранца, над которым можно иронизировать: все равно ничего не поймет! Однако употребление жаргона — это демонстративное пренебрежение к норме языка со стороны человека, ревностно следующего нормам физическим, биологическим, без возражений приемлющего диктат моды и некоей субкультуры. Учитель — эталон поведения, и прежде всего речевого. В том числе и на самом первом этапе, когда подростки выжидающе и оценивающе смотрят на только что пришедшего к ним учителя.

Адаптивная стратегия преодоления жаргона — войдите в среду учащихся через знание и уместное употребление жаргонизмов. Жаргон, изначально служащий социально-корпорированному средству, в речевом поведении дистанцирует ученика от педагога. Стоит нам обнаружить знание этого специфического «пароля», и «коллективная игра» молодёжи уже не приводит к корпорированию; скорее, наоборот, за удачно вошедшим в «Жаргонистан» учителем ребята готовы следовать, поскольку он мгновенно подобрал ключи к тайнам их языкового поведения. Обильно употребляя жаргонизмы, он входит в речевую среду аудитории, и та не имеет психологического щита. В одночасье рушатся многочисленные разделяющие учителя и класс факторы. Но уметь пользоваться жаргоном учителю нужно лучше. И здесь важно сохранять позиции коммуникативного лидера, чтобы не обнаружить подражательности: играют по оригинальному, а не по заимствованному речевому сценарию. «Кто идёт за другими, — тот никогда их не обгонит» (Н. Рерих), а здесь важно обогнать, чтобы и впредь идти впереди: учитель — не тот, кто ведёт урок, а тот, кто ведёт за собой.

Настала пора не удаляться с гордым видом, а поддерживать беседу, приводя собеседников либо к непониманию (всё-таки знаем мы больше, а это первое условие авторитетности), либо к умению смеяться над такими словами. Кроме того, важно детабуирование, приводящее к обыденности и отмиранию этих слов: как анекдот с бородой, став обыденными, они никому не нужны! Когда плод перестаёт быть запретным, он чаще всего оказывается ненужным: *А ещё какие крутые словечки вы знаете? А ещё? Мало. Салажий уровень, ещё!* Важно, что в таком общении происходит «десакрализация» жаргонизмов: они «почему-то» становятся менее интересными и неупотребимыми: если нет табу, зачем тогда и употреблять? Но такую «игру» нужно внезапно начать (только если учитель уже стал авторитетным для класса) и вовремя прекратить — впрочем, о прекращении ребята позаботятся сами, когда жаргонный словопоток лишится всех экспрессивных потенциалов и притягательности. Важно, чтобы табу распространялось не на слова, а на предметы, которые они обозначают: об этих предметах просто не принято говорить с людьми, которых уважаешь, вот и всё. А если не уважаешь собеседника, — зачем с ним говоришь? Ведь даже самый страстный спор без уважения к партнёру не начинают.

Чего же достигает учитель, демонстрирующий владение молодёжным жаргоном? Есть одна существенная опасность: если мы авторитетны для ребят, наши «фейерверки» могут оказаться внутренне принятыми культурно-речевыми установками, и тогда жаргон станет естественным средством общения, в том числе и на уроке. Чтобы этого не случилось, надо спокойно и уверенно перейти на русский литературный язык, соблюдая правило: слушают то, что успело заинтересовать. Обнаружили своё владение жаргоном — в этот момент вы имеете прямой доступ к личности каждого, в том числе к подсознательному, где образу-

ются подлинные экзистенциальные установки личности. Всё сказанное вами в эти мгновения станет категорическим императивом: правила не забудутся, цифры не сотрутся из памяти.

Учитель, знающий молодёжный жаргон и обнаруживающий своё превосходство в его нравственно допустимых компонентах (обозначающих явления, на которые не накладывается морального общественного табу), достигает очень многого.

Во-первых, он занимает лидирующую позицию, в которой часто ему было отказано именно из-за отсутствия языкового «гражданства».

Во-вторых, сам жаргон утрачивает смысл псевдоязыка, консолидирующего класс в оппозиции старшему. Кодифицирующая функция слова приходит в противоречие с нарушением цели его применения.

В-третьих, повышенная экспрессивность, выразительность арготического «пароля» просто отсутствует с исчезновением его основных разделяющих смыслов.

Наконец, наше «Перестаньте выражаться!» в лучшем случае не будет воспринято, в большинстве же случаев, как и всякая отрицательная формулировка, вызовет прямо противоположную реакцию. Необходимо органически войти в систему ценностей аудитории, и только изнутри, с позиций лидера, знающего, что противопоставить, менять её установки и ориентиры. Учитель должен знать школьный жаргон, уметь объяснить этимологию каждого его элемента, исправлять ошибки при употреблении жаргонизмов, — вот стратегическое положение.

Но, употребляя жаргонизмы в демонстративной функции, надо говорить не меняя общей речевой тональности; зная, что за этим последует, чтобы удержать внимание; чувствуя те слова, что стали банальными, истёртыми, а были своего рода эмблематикой подростка. С позиций состоявшегося лидера общения объявить их ненужными и скучными. Они создавались как экспрессивный протест против взрослой среды — лишённые выразительности и хорошо знакомые этой среде, жаргонизмы исчезнут сами собой. Спокойно, сохраняя безразличную мимическую маску, сообщите на уроке нечто вроде процитированного выше текста, умело включая в контекст и инъецируя его короткими фрагментами. Они станут своего рода цитатой спокойно употребившего их на глазах изумлённого класса педагога, — а вы когда-нибудь видели, чтобы подростки цитировали в дружеской беседе материал урока?! Давайте лишать жаргонизмы их ореола «тайного языка».

Учитель должен хорошо знать молодёжный жаргон

При нынешней речевой ситуации сомнений в этом нет. Но ему ни в коем случае нельзя быть компилятором, подражателем: решил бить врага его оружием, — умей им владеть лучше противника. Ученик, конечно же, никакой не противник. На самом деле, чем «небезобидная шутка» лучше прикола? Главный из законов развития языка — закон сохранения речевой энергии — прямо свидетельствует и в пользу таких слов, не переводимых синтетически, как *тусоваться* (традиционные значения «быстро уходить, скрываться», «курить» молодёжному жаргону не свойственны), *нарисоваться* («появиться» не исчерпывает экспрессивно-семантического потенциала), *крутой*, *продвинутый*, *стрелка* (перевод: «встреча представителей преступных группировок с целью выяснения взаимоотношений»), *блатной*, *токса*. Табу должно накладываться на сам предмет или процесс; нельзя делать объектом изучения и слова, понижающие нравственный порог нации.

«Не всё ли равно, как говорить, с каким ударением?» — интересуется географ. Но его едва ли устроит, если ученик воспрепятствует нормам его науки и окажется безразличным к тому, осла или Осло имеет в виду ученик. Математик готов прочитать назидательную лекцию учащемуся, усомнившемуся в отсутствии точек соприкосновения гиперболы и асимптоты, но он не замечает, что слово «асимптота» произносит с ударением на третьем слоге вместо второго, как этого требует норма. Речь — это знак национальной культуры, «геральдика» языка в целом и отдельного говорящего на нём. А эмблема, где нарушен даже

едва заметный элемент, перестаёт быть эмблемой: вспомним, ведь на промышленных подделках должно быть хоть одно отличие от названия фирмы. Меняется единственная буква в написании — и это уже сигнал: внимание, подделка! За это не привлекают к ответственности: название в этом случае уже не является названием! Это международные правила; если следовать им, — русский язык, употребляющийся в речи с ошибкой, — это подделка, а значит, уже *не русский язык*.

Педагог, поинтересовавшийся у ученика, что такое «прикалываться», вдруг увидел перед собой знатока, выражение лица которого говорило о возникшем тезаурусном барьере: «Неужели таких простых вещей не знаете?» И это ошибка, увеличивающаяся тем, что значение дидакт знал, только не сразу понял, что это в принципе безобидное слово... не переводится на русский язык однословно! А значит, оно имеет полное право на присутствие в составе национального языка. А чем лучше «подъесть», «подколоть», «уколоть»? Лишь тем, что нам они привычнее?

Жаргон нужен, но не в функции средства общения, а в роли объекта изучения

Когда мы будем произносить жаргонизмы серьёзно, как объект изучения языка, имеющий интересную историю, когда «ботанеющий» отличник изложит захватывающий рассказ об истории этих слов, буквально препарируя их, — ситуация изменится.

Интересные исследования Д.С. Балдаева, Л.Я. Борового, В.В.Виноградова, Д.С. Лихачева, Б.А. Успенского, Н.М. Шанского позволяют осуществить предлагаемую здесь *этимологическую стратегию* в риторике преподавания. Её суть — производить этимологический анализ наиболее частых для этого класса жаргонизмов, органически включённый в структуру учебного занятия. Нравственный порог такого употребления касается тех слов, денотаты (обозначаемые ими явления) которых не табуируются в целом. Предметный контекст может быть разнообразен: это и собственно язык, в том числе английский, и история, и культурология, и многочисленные воспитательные встречи. Романтическая корпорированность жаргона исчезнет, как только мы покажем, что он состоит зачастую из обычных лексем, значение которых, тем более история, нам известна значительно в большей степени, чем старательно изучающим его потомкам. Жаргон тем интереснее, но и тем опаснее, что это системно организованный лексико-семантический пласт. Так, какова связь птичьего пера и финского ножа, также именуемого любовно «пёрышком»? Только внешнее сходство и лёгкость? Но «перо» связано с глаголом «переть», а тот восходит к авест. *sparaiti* «попирает, толкает», а через др.-исл. *spurna sphurati* «бьёт ногами» и диал. *поронуть* (ткнуть острым) — слово приводит к глаголу «пырять». Это и есть обозначение действия, совершаемого «пером».

Учитель бесстрастно предлагает отыскать материал для объяснения внутреннего родства слов «тусоваться» и «туча». При этом ставится вопрос: «Какие из современных слов восходят к тому же индоевропейскому корню?» Предлагается отыскать и древние соответствия между «крутым» и «недалёким» (здесь — фактор и современного значения, и очевидное этимологическое родство «крутого» с «коротким»). После бурного обсуждения таких заданий ребята отправляются на этимологические раскопки, и ставший их предметом жаргонизм вызывает интерес к русскому языку в целом, но в речи он появляется не чаще, чем «логарифм», «дезоксирибонуклеиновая кислота», «стаккато».

Жаргон пропадёт, если будет выдвинут на метаязыковой уровень: нужны сообщения об истории жаргонизмов, о родстве их корней с другими. Такой подход предполагает научный стиль сообщения, а значит, жаргонизм, подвергшийся историко-лингвистическому «препарированию», становится интересным как факт языка, но не как средство экспрессии. Этимологические ассоциативные связи слова доминируют над ситуативными, и ребята его уже не употребляют: стирается исключительность жаргонизма, нет прежнего экспрессивно-маркирующего смысла. Главное для учителя — лишить жаргонизм его необычности,

особой экспрессивной силы, но посредством отрицательной оценки этого не произойдет. **Давайте говорить о жаргонизмах не меняя выражения лица и силы голоса.** Давайте показывать свою компетентность в их истории и смысловых оттенках, **поправляя и исправляя** питомцев.

— Дима, а что такое шустёрка? (Улыбки в классе).

— Шестёрка! Ну как вам объяснить...

— Никак не надо, потому что не знаешь. Не надо обижаться: шестёркой стали называть шустёрку, просто шустрого человека. Ведь ещё полтора века назад у Даля было «шустёрый», то есть расторопный. А вот шустриком называли земляную блоху.

После этого не нужно никаких запретов: ровный и спокойный тон учителя, научный стиль изложения лишит жаргонизм экспрессивной актуальности. Он станет обычным словом, которое за недостатком интонационной наполненности утратится в речи ребят.

— Ребята, что за интересное слово сказал только что Сергей — «тусовался»? Серёжа, объясни нам всем, что это такое...

— А все знают (смех).

— Не думаю. Я ведь тоже среди вас, но — не знаю...

— А это наше слово, новое. Вам оно не годится.

— Не годится: «центровые» теперь не тусуются, а — клубятся; знать надо. Что кажется новизны, то вообще сомневаюсь: оно родственно слову туча, от того же корня произошло слово тысяча (был древний корень *tus*). Значит, тусовка — это туча, тысяча человек — как видишь... Но я бы так о себе не говорил, так как от того же корня, согласно гипотезе, произошло слово «тухлый».

Последуют многочисленные вопросы о происхождении других слов. И необходимо столь же бесстрастно препарировать их историко-семантические трансформации.

Услышав, что все фрайера — лохи, педагог спокойно продолжает процесс воспитания и обучения. Он просит обратить внимание на сопоставление слова фраер с такими, как ферзь, фыркать, фора («дать фору») и через них определить значение фразеологизма «фертом ходить» (естественно, и самой буквы в её архетипическом сопоставлении). А не из того же этимологического корня произошли фрукты («Ну и фрукт»)? Почему бы не рассказать об этом самому или не попросить подготовить, взяв словари, сообщение к следующему занятию? Ведь все названные слова действительно исторически родственны, а пракорни *фр- и *хр- обнаруживают несомненную аналогию: фырчать — хрюкать, фрукт — хурма, ферт — ??? Спокойно назовем старославянскую букву, которая проживает в слове «похерить» — не гоним же мы его! По поводу «лоха» пишет ещё В.И. Даль. Лох — финно-карельск., «тощий лосось»; в псковских говорах «лоха» — дура. Есть ли связь со словом «переполох»? Её нет. Но путешествие по словарям в поисках ответа способствует формированию лингвистической зоркости ребят. И выясняется: как связаны между собой *ложбина, лог и пологий*, так — по той же модели — *лощина, лох и плохой*. Общее значение корня обнаруживает слово *лакуна*, заимствованное из латинского языка. Это «провал, впадина, пустота». Ближайшие соседи слова «лох» в исторически сложившейся языковой ситуации — *лощина, волочить, волк, лохмотья, лохань, лукавый, олух* и, конечно, слова «плохой, плоский». А по-украински «плохий» — это также «тихий, смирный, кроткий». В диалектах «луска» — *кожура, шелуха* (отсюда — «лущить»), а также «лысына» (в том числе в значении «пустошь»).

Всем перечисленным словам присуща семантическая общность — пустой (человек), плоский (плоская шутка), глупый. «Лихой» (слово того же этимологического корня) — это «печальный, злой, но одновременно — «отважный» («лихой казак»). Placiti по-чешски — «пугать». А plachy — «робкий». «Пугать» по-болгарски — «плаша»; но это слово значит и «робкий», «пугливый». Так что угроза — индикатор пугливого человека, слабого. На костромском диалекте это *лох*. В других диалектах «лух» — *разиня, дурак*; «олух» указывает на связь глухоты и глупости: М.Фасмер допускает его происхождение из волух — пастух волов — но, очевидно, более близкое родство с формой «оглух»; возможно производство

от глаголов «оплошать» или «ослушаться». Loch по-польски — «тряпка». Качественный стержень исторического деривационного гнезда — слово «плохой»: п-лох-ой, точно так же, как п-лоск-ий, п-лощ-адь, слова с предполагаемыми историческими приставками п-ряж-к-а, п-роч-и-ть.

К слову «крутой» М. Фасмер приводит соответствия: сербохорв. «толстый, твердый, грубый, тугой», словен. «яростный», чешск. «строгий, яростный, сильный, грубый». Очевидно историческое единство со словами короткий и куртка (короткая одежда). Это исторически однокоренные слова. И производное, естественно, жаргонизм «укорот». Кстати, «укротитель» этот укорот и производит, делая воспитанников более кроткими — («кроткими»).

Ботан(ик) — не тот, кто занимается ботаникой, а тот, кто «ботает»; в микрожаргонах «ботан» имеет ударение на первом слоге. В говорах «ботание» — распугивание рыбы.

Пахан, как бы это ни казалось невероятным, родственно слову «пацан». Очевидно родство со словом «пахать», а в славянских языках слово «пахать» соотносится со значениями «причинять зло», «копать», «совершать, производить». П.Я.Черных находит соответствия «грешить» и «сеять», которые в большей мере объясняют семантику: архетип пахаря у древних народов соотносился с идеей оплодотворения. Пахан — тот, кто «пашет» — а «согрешив», засеивает. Культ чудесного пахаря, присущий древним народам и сохранившийся в ряде мест, соотносит идею пропахивания с идеей оплодотворения вообще. Пахать (др.-рус. орати) — помещать семя в землю, зарождающая новую жизнь. Не случайно связаны «соха» и «сохатый» (рогатый), «рог» и «рогатина»: рыть землю — значит пахать землю, а «рыть», «резать», «ров» и «рог» родственны. «Сижу на нарах, как король на именинах» — не случайно. Хоть русский менталитет не знает королей, слово «король» соотносимо со словом «рог» («корона» — «рогатая»). Рог, рогатина — орудие пахоты (корова — «рогатая», праслав. — *korva*; *servus* — олень (лат.), *cornu* — рог; вол — этимологически родственно словам воля, велеть). Так, древний культ священного пахаря объединил понятие «король» и жаргонизм «пахан». Кстати, знаменитое «с бодуна» имеет в своей основе избражение быка на бутылке водки (она же — коловорот, пузырь); тюрк. *buka* — бык, чешск. *vikati* — реветь, мычать (ср.: *бучать*) имеют аналогией «бухать» в значении «надринькаться вдребодан», присущем русскому языку. Отдельные учащиеся могли бы уточнить: «налакаться», «нализаться», «надрызгаться», но будем справедливы: это некультурно.

Диалектная основа многочисленных жаргонизмов ставит вопрос об их действительно пристальном изучении и в известной мере детабуировании. Так, в северных говорах «халява» — «грубая баба»; «шлында» — в смоленском регионе «бродяга» — там эти слова лишены романтики, их оценивают как диалектные факты, а значит, — как заведомую речевую ошибку.

Загружать — соотносимо со словом «грезить»; наркотические средства приводят «нагруженных» к различного рода галлюцинациям.

Жаргонизмы в речи школьников происходят из различных источников и формируются по разным словообразовательным моделям. Они могут быть результатом семантического переосмысления исконных или адаптированных русским языком слов — это жаргонизмы семантические: *параша* (двойка), *пилить, чесать* (идти), *нарисоваться* (прийти), *слинять* (уйти), *прикол* (небезобидная шутка), *фанера* (фонограмма), *колёса* (наркотики), *клеить* (заигрывать), *грузить* (информировать), *въехать* (понять) и др. Поскольку эти слова имеют абсолютные синонимы, их легко перевести на литературный язык, призвав к этому учащихся.

Семантическое переосмысление характерно не только для лексического, но и для фразеологического уровня языка: *с дуба рухнул*; *крыша поехала*; *файл переполнен*; *чердак прохудился* (сошёл с ума); *рвать когти* (убегать); *брать на понт* (добиваться признания); *сесть на иглу* (употреблять наркотики). Такого рода переосмысление имеет метафорический, реже метонимический (*шить* дело) характер; цель его не только создать «язык микросоциума», но и стремление к большей экспрессивности и индивидуальности речи, к

устранению речевой стандартизации. Действительно, глядя на кошачьи глаза, светящиеся в темноте, мало кто удержится, чтобы не назвать их *фарам* — жаргонизм, усиливающий экспрессивность речи средствами метафоризации. Характерна и обратная метафоризация: в многочисленных мультфильмах фары паровозов и автомобилей часто заменяют глазами. Однако с жаргонизацией речи школьников в целом формируется новая, внелитературная стандартизация, и указание на нее, на новую личностную унификацию в борьбе с языковой клишированностью, может помочь учителю: школьники неизменно стремятся к неповторимости.

Жаргон учащихся изобилует сокращёнными вариантами слов и словосочетаний (апокопами) — это словообразовательные жаргонизмы: *лабы* (лабораторные работы), *видак* (видеомагнитофон), *облом* (неудача) *фак* (факультет), *класрук* (классный руководитель), *преподы*, *препы* (преподаватели), *маг* (магнитофон), *токсить* (увлекаться токсикоманией), *ботан* (усечённое слово «ботаник» — отличник). Нулевая суффиксация и усечение корневой морфемы предполагают и неперемное сохранение элементов, указывающих на определённые грамматические категории (глагольность, число существительного).

В языке школьников и студентов многочисленны элементы речевой избыточности — слова, практически утратившие семантические характеристики и употребляющиеся при подражании так называемым «новым русским»: *прикин*, *короче*, *типа того*, *в натуре*, *конкретно*. Это вводные слова или конструкции; субъект речи может не знать их изначального значения. Выделяется лексема *прикин*: ей в ряде случаев присуща полная синонимия со словом «подумай», однако в жаргоне она всё чаще употребляется без необходимости, лишь как средство идентификации (знак: я «свой в этой компании»).

Средством жаргонизации речи стали специфически произносимые, в большинстве случаев подчинённые русским словообразовательным моделям заимствованные слова. Так, «деньги» оказываются *рупиями* (устаревающее жаргонное понятие), *тугриками*, *карбованцами*, *баксами* (в американском сленге; исходное значение — «самец»; фамильярное «дружище», «старина»). После популяризации известного шлягера это ещё и *мани*. Специфические окончания при нулевой суффиксации детерминируют в русском жаргоне слова *трузера* (trousers — брюки), *джинсы* (джинсы), *шुзы* (shoes — туфли) — как правило, именно флексия оказывается в жаргонизмах такого типа ударной, что призвано указывать на жаргонно-просторечный характер слов. Заимствованы слова, весьма часто употребляемые школьниками: *чувак* (цыганск.), *шматок* (украинск.), *шмара* (кубанск. «любовница»; возм., готское *smagna* — «навоз, нечистоты»); кайф, понт — из англ. (*point* — показывать, делать стойку); лафа — тюркск. *ulufe* — жалованье, султанское содержание послов (М. Фасмер). Суффиксальным способом образованы жаргонизмы *эскейпнуть* (сбежать), *качать* (хватать — от англ. to catch); префиксально-суффиксальным *надринькаться* (напиться — от англ. to drink).

Жаргонизмы подчиняются определённым словообразовательным моделям, если складываются на основе русской лексики. В основном это суффиксация: -ух (*порнуха*, *мокруха*, — на базе словосочетаний; *житуха*, *кликуха*); -ан (*дружбан*, *братан*); -ар (*водяра*). -ак (*тупак*, *сходняк*; *синяк* — алкоголик, *мечтяк*, *висняк* — нераскрытое дело), -аг (*общага*, *блатняга*). На вопрос о том, чем эти слова лучше традиционных, школьники, как правило, ответить не могут или заявляют, что жаргонизмы — признак свободы, а не навязанных сверху речевых стандартов. Бунтарское начало Э. Берн считает основным в концепте «ребёнок-я», доминирующем у детей и подростков — поэтому, трансформируя его в начало творческое, следует действовать, выясняя не отношения, а сам характер жаргонного слова в восприятии подростка.

Значительную группу жаргонизмов составляют субстантивированные слова: *зелёные* (доллары), *деревянные* (рубли), *опущенный* (подвергшийся чему-либо унижительному), *голубой* (гомосексуалист), *крутые* (безнаказанные), *центровые* (собирающиеся компанией в центре города).

Жаргонная лексика пополняется за счёт топонимов и антропонимов, в том числе нари-

цательно переосмысливаемых и формируемых на основе специфических словообразовательных моделей. Так, *анфиска* — девушка, *федя* — ограниченный собеседник, *лиз(ух)а* — лесбиянка, *машка* — сексуально унижаемый (два последних слова пришли в школьный жаргон из арго, где обозначают вполне реальные для уголовного мира понятия), «замоченный» («замочка»), мочка — машка).

Посредством универбации (на основе словосочетаний) образованы жаргонные: *Савёл* (Савёловский вокзал), нарицательно переосмысленные топонимы *Горбушка* (площадь возле дома культуры им. Горбунова), *Пушка* (место сбора молодёжи возле памятника Пушкину). Жаргонизмы пополняются и за счёт лексикализации и фразеологизации сочетаний знаменательных и служебных слов. Распространены жаргонные словосочетания *строгать капусту* (получать прибыль в долларах), *лохматить бабушку* (лгать) и др.

Составители словаря уголовно-лагерного жаргона (1992) указывают на яркость и афористическую меткость сленга, объясняют его существование как робин-гудовский протест против советской действительности. Не думаю, что лавинообразное распространение жаргонизмов в настоящее время можно было бы оценить с той же степенью романтизации и политической «компетентности»; однако в любом случае этот процесс искажает язык нации, обедняет и засоряет его. Что касается целенаправленного искажения истории, то составители названного словаря подзабыли «Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского, где Семёнов, чья горбушка пропала, вступает в диалог:

— Кто взял горбушку?

— С кашей? — отвечали ему насмешливо.

— Стибрили?

— Сбондили?

— Сляпсили?

— Спёрли?

— Лафа, брат!

Все эти слова в переводе с бурсацкого на человеческий язык означали: украли, а лафа — лихо!

В настоящее время особую опасность представляет собой распространение жаргона в молодёжной среде уже в качестве **первичного** речевого континуума — ситуация, при которой на этом «языке» учащиеся и студенты начинают думать, с некоторым трудом переводя его на литературный.

Итак, учитель должен знать жаргон и уметь изъясняться на нём, чтобы в общении с собственными учениками не ждать переводчика. Но уметь — это не значит допускать его появление в повседневной речи: пока слово не стало фактом литературного языка, оно недопустимо. Если же жаргонизм услышан, — нужно спокойно и бесстрастно препарировать его, сделав объектом исторического исследования. Бурный восторг быстро сменится обыкновенным рабочим настроением, ситуацией, когда ребята обнаружат, что они чутки к историческим гулам и звукам праязыковых посылов, слышных для самых внимательных в морфематической структуре слова. Бесспорно, учителю необходим этимологический словарь жаргонной лексики, но все попытки его создания результатов не принесли; будем вместе работать над поднятием этой целины.

Жаргон должен перестать быть запретным плодом и превратиться в объект изучения. Такое изучение, этимологическое анализирование возможно лишь в кругу определённой лексики, не снижающей нравственного барьера нации. Лишь после этого можно говорить о реальной борьбе с засорением языка.

Как же сформулировать стратегические принципы учителя, который решил действительно бороться за чистоту русского языка, преодолевая засорение его жаргонизмами?

Во-первых, знать молодёжный жаргон в большем объёме, чем учащиеся, и уметь им пользоваться, лишая его ореола «тайного языка». Исправлять ребят не просто при использовании жаргонов, а при *неправильном* их использовании, оставаясь и в этом случае коммуникативным лидером, вызывающим удивлённое восхищение такой «запланирован-

ной неожиданностью».

Во-вторых, относиться к жаргонизму не как к «запретному плоду», вызывающему любопытство, а как к объекту науки. Это могут позволить себе лингвист, географ и историк, а также культуролог: слово — предмет национальной культуры или антикультуры! Необходимо знать этимологические особенности жаргона, что более всего важно учителю-словеснику, уметь «вписать» жаргонизм в историческое словообразовательное гнездо, обозначая связи с другими словами и тем лишая его уникальности и особой экспрессии.

В-третьих, выдерживать риторические условия «погружения» жаргонизма в повседневный текст: не начинать с запретительных формулировок типа «плохо» или «нельзя», привести аудиторию к ситуации, когда они станут частью её собственной интенции. Заранее, как заученные тексты, включать элементы жаргонной лексики в потенциальное обращение, никак не выделяя их впоследствии.

Итак, учитель — это и знаток, и актёр. А главное — лидер. Поэтому будем предугадывать возникающие течения в речи наших питомцев, «подключаться» к ним, чтобы умело выполнить своё предназначение неизменно оптимистичного командира юной гвардии.

И только после этого, ничего не запрещая, покажем своё отношение к этой лексике. Это будет уже отношение знающего человека, чьё мнение неоспоримо.